

Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит

Салгириев Али Русланович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской
академии наук», ведущий научный сотрудник
ГКНУ «Академия наук Чеченской Республики»

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор кафедры политологии и политического управления

Костенко Юлия Витальевна, кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры политологии и политического управления
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

***Аннотация.** Северный Кавказ является сложным, депрессивным регионом России, здесь, в основном, проживают автохтонные народы, которые исповедуют ислам и христианство. Высокая степень политизации, этничность, клановость, сильные трайбалистские связи создают почву для конфликтного поведения в управляющих взаимодействиях. Главным актором на Северном Кавказе выступают местные, региональные этнополитические элиты, которые состоят из сложной ткани тайпов, фамильности, тукумности. В данной работе детализируется процесс формирования, структурирования и поведенческие модели элит. Формирование политических элит происходит по закрытой, гильдейской модели, а инкорпорация осуществляется узким кругом доверенных лиц на основе неформальных критериев. Наличие реальной власти, формальных и латентных рычагов давления, влияние на принятие решений определяет саму сущность политических элит в условиях Северного Кавказа. Подобная противоречивость и низкое качество элит приводит к возникновению новых и к эскалации старых конфликтов, этнократии нередко используют в собственных меркантильных целях историческую память народов, нерешенные территориальные споры, несправедливость, социальную дифференциацию и т.д.*

События 1992 года вокруг спорного Пригородного района Северной Осетии – Алания, внутрисударственный российско-чеченский конфликт 1994–1996 и 1999–2000-х гг., новые точки этнополитической напряженности в Ингушетии, Дагестане, межэтнические столкновения в Калмыкии, Кабардино-Балкарии свидетельствуют о наличии высокого конфликтного потенциала в регионе. Архаизация, слабо развитые институты гражданского общества, экономическая отсталость региона приводит к перманентной напряженности и конфликтам.

Цель исследования – оценить стратегии активности элит, раскрыть основные причины этнополитической напряженности в регионе, выявить роль элит в этих процессах и выработать основные рекомендации для смягчения национальной и политической напряженности.

Методы исследования. В статье используются общенаучные принципы историзма и диалектики. Для решения задач исследования применяется системный подход, предполагающий единство и взаимосвязь. На прикладном уровне используются методы анализа документов, вторичного анализа социологических исследований, а также количественные процедуры изучения элит.

***Ключевые слова и фразы:** Россия, Северный Кавказ, политические элиты, политический процесс, структура, конфликты, напряженность, протест.*

DOI: 10.5281/zenodo.3363935

При президентстве Б.Н. Ельцина федеральный центр стал проводить политику децентрализации, делегирования части своих полномочий в регионы, что спровоцировало череду внутрисударственных и региональных конфликтов, в частности, на Северном Кавказе. Отсутствие «зрелой» политической элиты, неспособность некоторых руководителей регионов трезво оценить ситуацию на местах, приводит к новым очагам этнополитической напряженности и конфликтов. К примеру, с начала октября 2018 г. в Ингушетии проходят манифестации, митинги, шествия, сопровождающиеся публичными оскорблениями органов региональной власти, с призывами к смене правительства и т.д. Претензии митингующих сводятся к тому, что после подписания 26 сентября 2018 г. Соглашения между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия о разграничении территории, Ингушетия потеряла значительную часть своих

земель. Эти события свидетельствуют, что несогласованность и поспешность подобных шагов со стороны этноэлит, а также информационные взбросы и дезинформация со стороны политических оппонентов, которые поспешили использовать этот весьма большой вопрос в собственных целях, усугубляют ситуацию. Данное протестное поведение показывает, что политические элиты не всегда способны артикулировать интересы граждан, о слабости доверия со стороны населения решениям политико-административных элит, а также, что население подвержено сильному влиянию оппозиционных сил, провокаторов и активной роли контрэлит в политическом процессе [1, С. 79-102; 2, С. 85-92; 4, С. 22-26; 5, 94-101; 10, С. 99-104]. Так, например, оппозиционные западные диаспоры поспешили возглавить этот процесс и пропираться на нем. Аккламационное поведение (12, С. 62-75) весьма свойственно для дан-

ного протестного поведения. Д diamетрально противоположное отношение к проблеме границы сложилось в соседней Чеченской Республике.

Исследование, проведенное Аналитическим центром Юрия Левады (Опрос проведен 19 – 22 мая 2017 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны), показывает, что большинство опрошенных респондентов (55%) считают, что обстановка на Северном Кавказе останется прежней, а 11% считают, что она ухудшится. И только 15% ответили, что она улучшится, а 19% вообще затруднились ответить на вопрос. Эти цифры показывают скептическое отношение населения России к изменениям, которые происходит здесь в последнее время [9].

В российском обществе принято считать, что именно в регионы Кавказа уходят многомиллиардные трансферты из федерального бюджета и там они разворовываются, а об Якутии, и, тем более, Камчатском и Алтайском краях говорить не принято. Подобные настроения в обществе культивируются ангажированными средствами массовой информации и особо обостряются в электоральный период. Согласно опубликованным сведениям [11], где показано число субъектов с самым большим числом дотаций из федерального бюджета, три субъекта Российской Федерации из пятерки лидеров, не входят в Северо-Кавказский федеральный округ.

Функционирование политических элит на Северном Кавказе осуществляется на патрон-клиентальной основе с сильным преобладанием политико-административных элит. В данной элитной организации существует руководитель, глава («патрон») и группа – помощники, советники, заместители и так далее, то есть формируется «клиентела». При перемещении патрона из одной должности на другую вместе с ним перемещается и его клиентела. При отстранении от должности патрона разрушается и его «обойма», которая может нести сильные репутационные потери («бывшие»). Данная элитная организация может существовать только при вертикальной протекции, под эгидой более влиятельного чиновника. Она несет в себе достаточно сильный конфликтогенный потенциал и противоречия [18, С. 71-75], так как построена по закрытой системе, а

распределение политических и экономических ресурсов выстроено по авторитарному принципу. Простые люди не могут занять должности, где сконцентрированы властные полномочия, без одобрения «патрона», его покровительства [3, С. 5-18; 13, С. 31-38; 8].

Именно механизмы формирования этнополитических элит и ее низкое качество остается существенным конфликтогеном [7, С. 64-69; 14, С. 161-165; 15, С. 61-70]. В этой связи коррумпированность и теневые характер ее функционирования все еще остаются главными недостатком. Как отмечают ростовские элитологи, по результатам проведенных социологических исследований, «... в тройку ведущих недостатков элит входят: Коррумпированность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам. ... второй и третий недостатки являются следствием использования коррупционных механизмов при подборе и расстановке кадров» [6, С. С. 115-118]. В условиях Северного Кавказа проблема коррупции является основным общественным раздражителем, провоцируя латентное протестное поведение, особенно в молодежной среде.

На современном этапе мы наблюдаем централизацию политической вертикали, усиление роли федеральных органов исполнительной власти, в частности, это введение полномочных представителей Президента страны в федеральных округах, создание федеральных территориальных министерств, назначение и отстранение глав регионов. Подобные административные меры были вызваны постепенным ослаблением контроля центра на местах, возрастанием роли этнократий на фоне «рыхлости» управляющих взаимодействий. Важно понимать, что политические элиты кавказских республик способны аккумулировать и детерминировать этномобилизационный потенциал, что приводит к возникновению определенного торга с местными этноэлитами. Выход из ситуации в постепенном ослаблении роли элит, введении транспортных каналов рекрутирования и инкорпорации элит [17, С. 25-39], интеграции народов Северного Кавказа в общероссийское цивилизационное и культурное пространство, борьбе с социальной дифференциацией путем подавления коррупции и введением справедливых судов [16, С.8], последнее, впрочем, актуально для всей страны.

Литература:

1. Akaev V. The history and specifics of contemporary islamic revival in the Chechen republic. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. № 2. 2014. С. 79-102.
2. Salgiriev A., Betilmerzaeva M., Akhtaev A., Gaziev V. Determinants of political violence in the Northern Caucasus: regional aspect. *Central Asia and the Caucasus*. Luleo, № 1. 2017. P. 85-92.
3. Баранов А.В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. Симферополь, 2018. Т. 4 (14). № 2. С. 5-18.
4. Вартумян А. Региональный уровень государственной этнополитики: методики сравнительного анализа. В сборнике: *Общество и этнополитика*. (pp. 22-26). 2009. Новосибирск. СибАГС.
5. Вартумян А.А. Политические элиты постсоветской России: основные подходы и прикладной анализ. *Современная наука и инновации*. Пятигорск, № 2 (6). 2014. С. 94-101.
6. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Голобородько А.Ю. Анализ коррупционных механизмов при формировании и деятельности региональных элит // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2019. № 2 (105). С. 115-118.
7. Гриценко Н.П. Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс. *Социум и власть*. Челябинск, № 1 (25). 2010. С. 64-69.

8. Денисова Г.С., Баранов А.В., Викторин В.М., Волгин В.Л., Голунов С.В., Денисова А.В., Кочергин А.А., Петров В.Н., Петрулевич И.А., Смирнова В., Цветков О.М. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в южном федеральном округе (итоги 2018 года). Экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. Ростов н/Д, 2018.

9. Левада-Центр, (2018). Оценка текущего положения дел в стране.

<https://www.levada.ru/2017/05/31/16053/>

10. Манкиев, А.А., Ибрагимов, М.М., Жемчураева, С.Ш. (2013). Чеченский тайп в историческом прошлом и сознании современной студенческой молодежи. Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный. № 3 (20). С. 99-104.

11. Могилевская А. (2017). Получатели самых больших дотаций из федерального бюджета. РБК. 11 окт. 2017 г. <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2017/59db751d9a794738f67da77e>

12. Поцелуев, С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. Полис. Политические исследования. № 5. 1999. С. 62-75.

13. Салгириев А. Трайбально-клановое строение политических элит на Северном Кавказе как фактор политической напряженности // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 31-38.

14. Субботин П.А. Развитие формальных и неформальных механизмов формирования политической элиты. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, № 12-3 (62). 2015. С. 161-165.

15. Фишман Л.Г. Создают ли демократию элиты? Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, № 2. 2015. С. 61-70.

16. Шуликов А.О. Влияние федерального центра на формирование региональной политической элиты. Вестник Московского государственного областного университета. № 1. 2015. С. 8.

17. Шутов А.Ю. Политические партии и трансформация правящих элит в новейшей истории России / В сборнике: Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 2013. С. 25-39.

18. Юсупов М.М. Специфика управления регионом в постконфликтной ситуации. Социум и власть. Челябинск, № 5 (37). 2012. С. 71-75.